

ВЛАДА
АНДРЕЕВА

ШТУЧНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

12+

Влада Андреева

Штучный экземпляр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65631096

SelfPub; 2021

Аннотация

Надежда – сильная независимая женщина, а вот ее сын – Геночка совсем не похож на мать. Робкий, застенчивый, добродушный. Как такого оставишь одного на белом свете? Что делать, если в этом вопросе совершенно не на кого положиться? Легко ли быть белой вороной? Как живет человек, если он отличается от окружающих? Вот вопросы, на которые ищут ответ главные герои.

Влада Андреева

Штучный экземпляр

В нашем доме тетю Надю за глаза все называли синим чулком. В детстве я никак не могла понять значение этого выражения и часто спрашивала маму: «Почему все говорят, что тетя Надя синий чулок? Я специально смотрела на ее ноги. Никакие они не синие эти чулки, а обычные прозрачные капроновые». Мама загадочно улыбалась и отвечала: «Вырастешь-поймешь».

Работала Надежда Васильевна в проектном бюро каким-то начальником. Высокая, стройная жутко серьезная женщина. Она всегда проходила по двору твердой походкой, держа портфель в одной руке и размахивая другой. Мы с девчонками даже немного побаивались ее. Поэтому, едва увидев статную фигуру в строгом костюме, мы невольно замолкали и едва слышно попискивали: «Здрасти». На что тетя Надя всегда громко и четко отвечала: «Здравствуйте, девочки!».

Жила Надежда Васильевна с мамой, и никто никогда не видел в их окружении никаких мужчин. Жизнь шла своим чередом, и каким же было удивление местных кумушек, когда весной, после того как все сняли зимние шубы и пальто, они заметили округлившийся живот тети Нади. Вот уж тут

было разговоров! Но Надежда Васильевна была выше этого. Она по-прежнему уверенной походкой проходила по двору и не обращала никакого внимания на заинтересованные взгляды, брошенные в ее сторону.

Летом у тети Нади родился Геночка – замечательный улыбчивый мальчик. Какой счастливой выглядела баба Варя – мама Надежды Васильевны, гуляя с Геночкой. Как она баловала и опекала единственного долгожданного внука! Геночка и, правда, был замечательным ребенком: огромные широко открытые глаза и всегда улыбающийся рот.

Но шло время, и соседи начали замечать в поведении Геночки некоторые странности. Он никогда не играл с другими детьми, очень любил обниматься со всеми, кто его знает. Речь Геночки была несколько замедленной и простоватой. Но его природная доброта и открытость сглаживали эти моменты. Если кто-то из взрослых шел из магазина, и у него в пакете просвечивали конфеты, Геночка пулей несся к этому человеку, обнимал его и со словами: «А я конфетки-то люблю», заглядывал ему в глаза. Ну как тут не угостить такое чудо природы! В течение дня ситуация повторялась не раз и не два. Вместо конфеток появлялись яблочки, груши, сливы, пряники... Баба Варя ругала Геночку за постоянное попрошайничество. Но тот только хлопал большими ресницами, совершенно не понимая, почему бабуля сердится. В 4 года Геночке поставили диагноз задержка умственного развития. Сколько было приложено сил и денег, чтобы Ге-

ночку взяли в обычную школу: репетиторы, дополнительные занятия, кружки и секции.

Как-то осенью, когда я училась на втором курсе университета, ко мне подошла Надежда Васильевна.

«Наташа, здравствуйте», – строго сказала она.

«Здравствуйтесь», – испуганно ответила я.

«У меня к Вам не совсем обычный разговор. Наташа, надеюсь, Вы меня поймете. Геночку перевели в 3 класс с условием, что мы за лето научимся решать задачи не только на сложение и вычитание, но и на деление-умножение. Я все лето билась с ним, но, к сожалению, безрезультатно. Я знаете, что подумала, Наташа. Вы же на филфаке учитесь, так может быть сумеете подобрать какие-то особые слова для моего чуда-юда? Мне кажется, что ему просто нужно сменить манеру объяснения материала, а мне не к кому больше обратиться. Попробуйте, Наташа, я очень прошу Вас.», – сказала Надежда Васильевна с тоской в голосе.

«Хорошо, я попробую», – неуверенно ответила я.

Мы с Геночкой три часа бились над решением простейших задач. «У меня 5 карандашей, у тебя на 2 больше» или «У меня 5 карандашей, у тебя в 2 раза больше» Если задачку с карандашами он научился решать через час, то стоило мне заменить в условии карандаши на конфеты, он снова смотрел на меня непонимающим взглядом и неуверенно говорил: «Делить будем? Умножать? Что? Вычитать?» Я была готова взвыть от отчаяния. Но вдруг мне в голову пришла замеча-

тельная мысль.

«Ген, давай забудем все, о чем мы с тобой сейчас разговаривали. Хорошо?»

«Хорошо!», – обрадовано ответил он.

«Давай мы с тобой сделаем волшебную карточку, которая поможет тебе решать задачи и про конфеты, и про карандаши, и даже про фломастеры»

«Про все, про все?», – удивился Геночка.

«Точно, про все», – ответила я.

«Здорово!», – обрадовался незадачливый математик.

«Смотри, мы берем квадратную карточку, и вот здесь мы пишем букву «в», то есть, если в задаче стоит в 2, 3, 4; раза больше, то нужно умножать. Ставим тире, пишем умножить. Если в задаче в 2, 3, 4; раза меньше, то – разделить. Понял? Ниже на карточке пишем «на». На 2,3,4 больше – прибавить, на 2,3,4 меньше – вычитать. Давай, пробовать будем».

Геночка прочитал условие задачи, и довольно сказал: «Так, достаем волшебную карточку. Смотрим. Находим букву «в», значит, умножить или разделить. Дальше стоит слово больше, значит умножить. Так?», – Гена довольно смотрел на меня и улыбался.

«Да ты просто молодец!»

«Это мне твое волшебство помогло. Спасибо тебе, Наташа. Я и не знал, что ты – самая настоящая волшебница!»

С этого момента Генка проникся ко мне огромным уважением. Я часто помогала ему с уроками. Как говорила На-

дежда Васильевна: «Мы нашли с ним общий язык».

Прошли годы, Генка с горем пополам заканчивал школу. Надежда Васильевна постоянно оказывала учебному заведению спонсорскую помощь. Я в это время была вся в романтических отношениях. Домой приходила поздно и практически не видела Геночку. Как-то раз я в два часа ночи возвращалась с очередного свидания. Мой ухажер проводил меня до подъезда, и я собиралась тихонько прошмыгнуть в квартиру, чтобы сладко уснуть до утра. Когда я поднялась на второй этаж, дверь квартиры Надежды Васильевны неожиданно открылась. Она схватила меня за руку и быстро заговорила громким шепотом:

«Наташа, ну, наконец-то. Как долго Вы гуляете! Я Вас все у окна ждала, боялась пропустить», – тараторила Надежда Васильевна, втягивая меня в квартиру.

«Что случилось?», забеспокоилась я.

«Геночке задали писать сочинение про Набокова. А он забыл, сказал только сегодня вечером. Библиотека уже закрыта была. Я, сами понимаете, технарь. Без дополнительной литературы ничего не напишу. А Геночка? Что тут говорить! Где Набоков и где Геночка! В общем, выручайте, Наташа, как всегда».

Делать было нечего. Все мои мысли о теплой кровати унеслись в неизвестном направлении. Я до самого утра писала Генке сочинение...

С тех пор прошло уже достаточно много лет. В жизни каж-

дого из нас произошли большие изменения. Баба Варя умерла. Надежда Васильевна вышла на пенсию. Геночка закончил школу и устроился на работу. Трудился он на почте – запечатывал посылки и бандероли. Каждое утро он довольный и счастливый отправлялся на службу. Встречая кого-то из знакомых, а их у Геночки было очень много (он знал практически всех живущих в соседних домах), он поднимал руку вверх и громко кричал: «Приветствую! Как дела? У меня все хорошо! Вот на работу иду. С утра уже в магазин сбегал. Все купил. На работе тоже все хорошо! До свидания!».

Ко мне Геночка по-прежнему питал особые чувства. Едва заметив меня, идущую из магазина с сумками, он бросался мне на встречу. «Наталья Петровна, зачем Вы такие тяжелые сумки носите? Давайте помогу. Я сильный. Каждый день дома гантели поднимаю, а они знаете какие тяжелые! Килограмма три, наверное! У Вас все хорошо? У меня все хорошо. На работе тоже хорошо». Если он встречал меня утром перед работой, то после стандартного приветствия и рассказа о том, что он уже успел сделать, Геночка провожал меня до машины и затем подолгу махал рукой вслед уезжающей легковушке.

Однажды, возвращаясь домой, я у подъезда встретила Надежду Васильевну. Она сидела на лавочке, и в ее сгорбившейся фигуре с тоскливым взглядом едва можно было угадать ту суровую строгую женщину, которой она когда-то была.

«Здравствуйте, Надежда Васильевна», – сказала я, поставив сумки на лавочку.

«Здравствуйте, Наташа».

«С работы?»

«Угу, устала – сил нет»

«Посидите, немножечко, передохните», – сказала тетя Надя и подвинулась, освобождая место.

«Как дела? Как Ваше здоровье?», – потихоньку начала я.

«Знаете, Наташа, есть такое хорошее выражение: по возрасту. Не прибавить и не убавить. И не скажешь, что плохо, но и хорошим не назовешь. Что поделаешь, не 20 лет», – грустно ответила тетя Надя.

«А Геночка как?», – не отставала я.

«А что Геночка? Вон он поскакал на работу. Всем улыбается, жизни радуется. Блаженный, одним словом».

«Что Вы такое говорите, тетя Надя? Геночка замечательный. Посмотрите, какой он добрый, чистый. Таких как он еще поискать нужно. Он – штучный экземпляр. Это мы все как под копірку – ширпотреб, одним словом. А таких как он, больше не делают».

«Наташа, а как такому-то жить на белом свете? Хорошо, пока я с ним. А меня не будет? Один-одинешенек останется. Как Вы сказали, Наташенька, штучный экземпляр? Где бы ему под стать такую же штучку найти? Сами же говорите, что их больше не делают. Вся душа за него изболелась! Время-то, посмотрите, какое пришло. Работы нет. Сплош-

ные сокращения. Оптимизация! Дооптимизировались – на почте у Генки вместо 10 человек трое работают. Посокращали всех, что бы зарплату на три копейки рабочим повысить, а у самих дома как дворцы. Кто во власти сейчас? Те, кто проворовались и отсидели. Их снова на руководящие посты, чтобы за задницу проще держать было. Если что, сразу к ногтю. Сволочное время, одним словом. Ладно, Наташа, разворчалась тут не к месту, простите меня. Что толку возмущаться, от нас все равно ничего не зависит. Просто на Генку сегодня с утра посмотрела и расстроилась. Как у меня такое чудо могло появиться? Ума не приложу. Меня, знаете, как на работе звали? Мужик в юбке!».

«Почему?», – удивилась я.

«Потому что башка как компьютер работала. Если какой проект сложный или ответственный, никто кроме меня и не брался. Мне любые головоломки по плечу были. И командовала я одними мужиками. Их у меня в подчинении 50 человек было! Наташа, а Вы никогда не задумывались над тем, почему у артистов так много детей-аутистов?», -вдруг спросила Надежда Васильевна.

«Нет», – удивилась я.

«Я знаете, что на этот счет думаю. Если артист хороший, то он всего себя отдает зрителю, всю свою душу. А эмоции тоже имеют обыкновение заканчиваться. Знаете, как часто люди говорят «переживала бы, да переживалка вся закончилась». Вот природа на детях-то и отдыхает, чтобы сил для

новых поколений набраться. Так и у меня с Геночкой получилось. Думала – рожу, чтобы старость одной не коротать. А выходит он за меня отдуваться будет. Знала бы, что так получится, – одна бы жила. Представляете, Наташа, если его сократят, и он без работы останется? По помойкам наскитается. Как об этом подумаю – мороз по коже. Наташа, Вы всегда нам помогали. Пообещайте мне, если что, -не бросите убогого».

«Да что Вы опять, тетя Надя! Разве так можно!», – закрычала я.

«Наташа, я знаю, что говорю. Обещайте мне!»

«Хорошо, обещаю», – покорно ответила я.

То ли Всевышний услышал переживания Надежды Васильевны, то ли просто пожалел Геночку, то ли на этот счет у него были свои какие-то планы, но через 3 месяца Генка встретил Леночку. Сразу нужно сказать, что это было тоже уникальное создание. Чудо природы. Работала Леночка массажистом в детской поликлинике, помогала деткам с таким же, как и у нее, диагнозом – ДЦП. Неуклюжая, смешная девочка в очках с большими увеличительными стеклами, но очень доброжелательная и улыбчивая как Геночка. Разговаривала она быстро и весело, постоянно смеялась над тем, что говорила, как будто звуки собственного голоса доставляли ей огромное удовольствие. Ходила Леночка быстро, почти бегом и вечно за что-нибудь запиналась, что тоже станови-

лось причиной веселого смеха. Через полгода Геночка и Леночка поженились.

Надежда Васильевна не долго радовалась за сына, почти сразу после свадьбы она ушла. Оказалось, что у нее уже давно был диагностирован рак, просто тетя Надя никому об этом не рассказывала. Незадолго до ее смерти мы снова встретились с ней у подъезда. Она была счастлива.

«Наташенька, я так рада, что Геночка теперь не один. Конечно, это не совсем то, о чем я мечтала. Но он у меня тоже не подарок. Дай Бог им счастья! Но, если что, Вы мне обещали, что не оставите моего чудика. Хотя, если быть более точной, теперь уже двух чудиков. Я никогда не говорила, что бесконечно благодарна Вам, Наташа. Вы – замечательный человек. Спасибо Вам за все».

«Опять Вы за старое, тетя Надя! Что за упаднические настроения? Вам еще жить да жить, скоро внуков воспитывать будете», – бодро проговорила я.

Надежда Васильевна посмотрела на меня отсутствующим взглядом и тихо ответила:

«Бог даст, буду».

Но Геночке и Леночке не суждено было насладиться бабушкиной помощью в вопросе воспитания детей, когда через 9 месяцев у них появился на свет Юрочка. Так как Лене тоже некому было помочь, они самостоятельно решали все возникшие у них проблемы. Геннадий бегал по магазинам, помогал Лене сидеть с ребенком, по вечерам после работы

гордо выхаживал по двору, катая коляску. Каждому знакомому он непременно рассказывал обо всех Юриных успехах:

«Здравствуйте! Вот с сыном гуляю. Жена есть готовит. У Юрочки все хорошо. Уже 6 килограммов весит. Погремушками любит играть. Вчера слюни сильно текли, наверное, зубы резаться будут».

Однажды, возвращаясь с работы, я остановилась, чтобы поговорить с Генкой, узнать, как у них обстоят дела.

«Сегодня комиссия у нас была из опеки», – сказал он.

«Зачем? С какой стати?», – удивилась я.

«Не знаю, может быть так положено? Пришли, посмотрели, все проверили и ушли», – ответил Генка.

«Все равно не понимаю. Сколько их было? Что сказали?»

«Четверо. Пришли, сказали, что с проверкой. С ними был наш врач из поликлиники. Спросили, где Юрочка спит, что ест, просили показать его вещи и игрушки. Все записали, сказали спасибо и ушли».

«Чудные дела твои, Господи!», – проговорила я.

Недели через три я случайно заметила мужчину и трех женщин, выходявших из нашего подъезда, но не придала этому значения. А еще через две недели меня разбудил настойчивый звонок в дверь. На пороге стоял Генка. Он тяжело дышал и удивленно хлопал глазами.

«Наталья Петровна, Юрочку забрали», – почти кричал он.

«Не поняла. Куда забрали? Кто забрал?»

«Комиссия из опеки. Вот дали бумажку и забрали Юрочку»

с собой», – Генка растерянно протянул мне листок.

Я быстро пробежала глазами: «Комиссия в составе... Выявлено нарушение условий содержания малолетнего... Поскольку родители имеют заболевания, препятствующие реализации прав ребенка на развитие и образование... А так же неоднократное нарушение требований гигиены... Чушь какая-то! Ну-ка, пошли», – я схватила Генку за руку и потащила к ним в квартиру. «Где Ленка?»

«В ванной плачет», – промямлил Геночка.

Когда мы вошли в квартиру, я услышала громкий вой, доносившийся сквозь шум воды.

«Хватит выть, умывайся и иди сюда», – строго сказала я Ленке, – «Рассказывай, что случилось».

«Они говорят, что мы не можем дать Юрочке должную заботу и нарушаем его права. За нами, говорят, за самими уход нужен. Мы типа дураки, и не можем обеспечить своему ребенку никакого будущего. Сказали, что найдут ему других родителей, умных». И Ленка снова завывала.

«Пошли со мной», – крикнула я Генке, и мы побежали вверх по лестнице. На девятом этаже в нашем подъезде жила судья.

«Владислава Вацловна! У нас беда! Помогите!», – я путано начала объяснять ситуацию.

«Проходите, не на лестничной же клетке разговаривать!», – строго ответила Владислава.

После получасового выяснения всех обстоятельств, Вла-

дислава Вацловна тяжело вздохнула и сказала:

«Да-а-а, ребята. Дело, мягко сказать, не очень хорошее. С опекой шутки плохи. Куда ж вы раньше-то смотрели? Наташа. Ну, ладно, он», – Владислава кивнула в сторону Генки, – «А Вы-то что? Комиссия приходила три раза. Было вынесено предписание. Обжалования не последовало. Значит, со всем согласны. Все по правилам. Комар носа не подточит. Эти ребята умеют работать. Ходят не одни: с ними представители из детской поликлиники и из комиссии по делам несовершеннолетних. Скажите, у кого дома с маленьким ребенком все по полочкам лежит? Тут игрушки разбросаны, тут – баночка с недоеденным питанием, а здесь – носочки и трусики. Это с нашей точки зрения ничего страшного, вечером все уберем, а у них – беспорядок и антисанитария. И все под протокол. А уж если ребенок еще и заплакал, испугавшись чужих дядек и тетек, то тут врач быстро диагноз поставит – нарушение психического развития и куча всяких синдромов с непонятными названиями. Поди поспорь тут! Я думаю, кому-то очень Ваш Юрочка понадобился. Скорее всего, нашли родителей для усыновления. Дам я вам телефон – это очень грамотный адвокат по подобным вопросам. Уж, если кто и сможет вам помочь, то только она. Вот Стефания Бенедиктовна. Скажете, что от меня».

«Ну и имена же у них, как на подбор. Видно, обычные Марьи Ивановны и Семены Петровичи в этой системе не уживаются!», – пронеслось у меня в голове.

На следующее утро мы с Генкой и Леночкой встретились со Стефанией. Очень серьезная и даже суровая женщина выслушала нас, не проронив ни слова. Лишь в завершение рассказа она произнесла густым басом:

«Дело бесперспективное. Возьмусь только из-за Владиславы Вацловны. Это мой учитель, я ей очень благодарна. Предупреждаю сразу: шансов, практически нет. Юрочка ваш, скорее всего, с усыновителями уже границу пересекает. Стоить вам мое участие будет не дешево. Я – дорогой адвокат, но дело свое знаю. Гарантий никаких не даю, но и слов на ветер не бросаю. Сделаю, все, что от меня зависит. Подумайте до завтра. Если решитесь – звоните. Начнем. Но дело будет не быстрым. Думайте. А сейчас извините, мне некогда. Всего доброго».

Ошарашенные мы вышли на улицу. Мысли беспорядочно клубились в моей голове. Я даже не знала, что сказать уставившимся на меня ребятам. Вдруг, совершенно неожиданно для меня, заговорила Леночка.

«Лично я буду бороться за Юрочку до последнего. Ты со мной или без меня?», – спросила она, глядя на своего горе-супруга.

«Конечно с тобой», – ответил Гена. Они крепко обнялись, взялись за руки и пошагали к остановке. А я так и осталась стоять, глядя им вслед.

Прошло достаточно много времени. Стефания Бенедиктовна подала в суд опровержение на постановление опеки.

Я с удивлением поняла, что судебная система работает не торопясь: с чувством, с толком, с расстановкой. На каждую поданную бумажку через месяц-два назначалось рассмотрение, на которое органы опеки или не выходили по уважительной причине или просили отсрочку на сбор документов. А экспертизы по медицинским диагнозам и заключениям для Генки и Леночки длились по полгода. Месяцы разбирательств плавно перетекали в годы. И всех все устраивало: и опеку, и суд, и Стефанию, которая не уставала повторять: «Не беспокойтесь, все идет своим чередом. Где вы видели, чтобы такие дела быстро решались? Пошли в суд – наберитесь терпения».

После этого происшествия Геночка почти совсем перестал появляться на улице. Его сутулую фигуру можно было видеть только, когда он плелся на работу и возвращался домой. Встречая знакомых, он уже не вскидывал вверх руку и не кричал «Приветствую», а лишь слегка кивал головой. На традиционный вопрос «Как дела?», он ничего не отвечал, лишь пожимал плечами, давая понять, что не расположен разговаривать на эту тему.

В конце лета у Геночки был день рождения. Я купила подарок и отправилась к ребятам. Дверь открыла Леночка. Худая, с провалившимися глазами, на мой вопрос: «Поздравления принимаете?», – она грустно улыбнулась и проводила меня на кухню. Геннадий встретил меня равнодушным взглядом. На столе у них стояли две чашки с чаем, а на та-

релке лежали два бутерброда с дешевой колбасой. Сердце мое сжалось.

«Ну, чего такие грустные сидите? Я тортик принесла. Чай пить будем?», – веселым голосом спросила я.

Леночка поплелась к плите. Я весь вечер безрезультатно пыталась развеселить ребят. А потом не выдержала и сказала:

«Ну, вот что. Хватит. Мы с вами делаем все, что можем. Все наладится. Не надо только руки опускать», – а потом осторожно продолжила, – «Ребята, может быть вам еще кого-нибудь родить?»

Леночка бросила на меня гневный взгляд:

«Да что Вы такое говорите, Наталья Петровна? Это же будет предательством по отношению к Юрочке. Нет! Мы уже все решили. Сначала Юрочку вернем, а потом родим ему братика или сестренку. Только так, а не наоборот! И не говорите нам больше таких вещей! Не хотите больше с нами возиться, не надо. Сами справимся. Но предавать нашего сына не будем».

«Что ты, Лена», – испуганно проговорила я, – «У меня даже таких мыслей не было. Извини, с дуру ляпнула».

В постоянных судах и разбирательствах прошло 6 лет. Стефания Бенедиктовна выяснила, что Юрочку усыновила бездетная семья из Люксембурга. Все документы у них были в порядке. Остался последний шанс – общественный резонанс. Других вариантов не было. Стефания нашла нам недо-

рогого молодого журналиста, который разослал информацию на все телевизионные каналы во все возможные ток-шоу. Оставалось только ждать.

Прошло достаточно много времени. Я, честно сказать, опустила руки. У ребят совершенно закончились деньги. Даже режим строжайшей экономии не мог компенсировать судебные издержки. Я, как могла, помогала Геночке и Леночке. Даже пару раз пробежалась по подъезду, чтобы собрать деньги на очередную экспертизу. От СМИ не было ни слуху, ни духу.

Совершенно неожиданно после Нового года к ребятам нагрянула съемочная группа «Первого» канала. Шумные крикливые редакторы ввалились в квартиру и сразу же начали снимать растерянных чудиков. Журналисты туго знали свое дело. За полтора часа они отсняли весь необходимый материал, поговорили с соседями и, вручив ошарашенному Генке приглашение на вечернее шоу «Поговорим», исчезли также быстро, как и появились.

Передачу вел один из самых известных ведущих Борис Дмитриев. За два дня до эфира по центральному каналу прошел анонс: «И снова органы опеки. Очередной скандал с усыновлением. Сколько можно терпеть беззаконие государственных служащих? Почему такие правильные слова как «соцзащита» и «опека» стали синонимами к словам «коррупция» и «произвол»? Усыновление – кому это выгодно? Как помочь безутешным родителям? Как не навредить инте-

ресам ребенка? Все это и многие другие вопросы мы обсудим в понедельник в нашей программе как всегда в 20-00».

Борис Дмитриев знал свое дело. Программа началась с видео из квартиры Генки и Леночки, затем – разговор с соседями. Наконец, в студию пригласили Стефанию Бенедиктовну, она умело ввела всех присутствующих в курс дела, при этом четко расставляя приоритеты и ловко педалируя нужные моменты. Затем в студию пригласили наших чудиков. Они вышли, держась за руки, и тем самым добавили необходимого эффекта. Мы понимали, что симпатии зрителей находятся на стороне ребят.

Но тут появился представитель опеки, и разговор был повернут совершенно в другую сторону. Строгая суровая женщина задавала колкие вопросы:

«Посмотрите на этих родителей. Им самим нужна посторонняя помощь. Разве они смогут дать ребенку необходимое образование? Мальчик живет в замечательной семье. Он знает 5 языков. Его родители – учителя. Как известно, учитель – это очень почетная и высокооплачиваемая профессия в Люксембурге. Ребенок занимается спортом: лыжами и большим теннисом. Серьезно увлекается авиомоделированием. Нам только что показали, в какой нищете живут биологические родители ребенка. Сравните эти условия с условиями жизни приемных родителей. Большой загородный дом с садом и бассейном. Как вы думаете, что будет с мальчиком, если его вернуть *этим* родителям в *эти* усло-

вия?»

Вопрос словно повис в воздухе. Только Леночка обиженно пискнула: «Но это же наш ребенок!»

Ведущий пригласил в студию приемную мать Юрочки. В зал вышла очень приятная интеллигентная женщина спокойная и уравновешенная. Люди в студии смотрели на нее с уважением.

«Мы с Кристофером очень хотели ребенка, но Бог не дал нам. Поскольку Люксембург – очень маленькая страна, то усыновить ребенка у нас практически невозможно. Мы надеялись лишь на международные организации. Нам повезло. Из России поступило предложение усыновить мальчика. Нам сказали, что он сирота, его родители умерли. Документы у нас были в порядке. Все прошло очень быстро. Так у нас появился Энтони. Энтони для нас – все. Мы его очень любим. Правда, мой муж умер год назад. Мы с Энтони остались одни. А теперь это. Я даже не знаю, как реагировать на эту ситуацию. Энтони 7 лет. Он замечательный. Я без него не могу», – сказала Марта и расплакалась.

Борис Дмитриев предложил пригласить в студию Юрочку. Мы все замерли. В зал уверенной походкой вышел высокий красивый и очень ухоженный мальчик. Он подошел к Марте и поцеловал ее. Затем попросил у нее разрешения подойти к Геночке и Леночке. Марта, заплакав, сказала: «Конечно» и погладила его по голове.

Когда мальчик подошел к настоящим родителям, Леноч-

ка, рыдая и размазывая слезы по лицу, бросилась обнимать его. Она еле пришла в себя. Все смотрели на Энтони. Он, обращаясь к ведущему, спросил, можно ли ему сесть с обеими мамами? На что Борис Дмитриев сказал, что он может садиться туда, где ему удобно. Тогда он встал, подошел к Марте, взял ее за руку и повел за собой. Он сел между Леночкой и Мартой, крепко держа обеих за руки. Зал громко зааплодировал.

На вопрос ведущего, с кем он хочет жить, Юрочка ответил:

«Я хочу жить с обеими мамами, потому что люблю и ту и другую».

«Но ты же понимаешь, что так нельзя. Ты должен сделать выбор», – продолжил ведущий.

«Я его сделал», – спокойно ответил ребенок, – «Мы будем жить все вместе».

«А, что», – вдруг оживился ведущий, – «Может быть, Энтони и прав? Как говорится, устами младенца глаголит истина. Может вам, действительно, объединиться и жить вместе? Марта осталась одна в большом доме. Ей тяжело одной с ребенком. Настоящие родители могли бы ей помогать. Что вы на это скажете? Как вам такой поворот ситуации?»

«Я подумаю», – неуверенно ответила Марта, – «Но ради Энтони я готова на все».

Студия дружно зааплодировала.

В эту секунду я, не отрываясь, смотрела на Юрочку. Он

сидел, гордо подняв голову, продолжая держать за руки двух самых дорогих ему женщин. Его взгляд был тверд, уверен и спокоен. Я вдруг поняла, где я его уже видела. Это был взгляд Надежды Васильевны... Природа, отдохнув на Геночке, полностью вернула свое. Жаль только, что тетя Надя не могла этого увидеть. И вообще, если бы она была жива, то, может быть, и не случилось бы всей этой истории...

P.S. После эфира программы Генка с Леночкой получили вызов от Марты и уехали в Люксембург. Через полгода они вышли на связь в «Вайбере». Леночка рассказала, что устроилась на работу санитаркой, планирует подтвердить квалификацию массажиста. Но, так как в Люксембурге очень высокие зарплаты, то она уже сейчас получает 4000 евро. Геночка работает в школе, в которой учится Юрочка, помощником садовника. Он отвечает за полив растений. За его добрый нрав в школе его очень любят: и взрослые и дети. А, самое главное, он много времени проводит с Юрочкой. Они уходят вместе в школу и вместе возвращаются домой. Живут они пока в доме Марты. Но планируют взять ссуду на покупку собственного жилья. Юрочка – просто замечательный мальчик. Очень умный (наверное, в бабушку) и добрый (наверное, в папу с мамой). С Мартой они очень ладят и пытаются помогать ей во всем. А еще ребята прислали огромное количество фотографий.

Я была необычайно рада за моих любимых чудиков. Теперь надежда Васильевна могла быть абсолютно спокойна,

глядя на них с небес...